



Александр Рар

Россия в поисках Европы. Сотрудничество, конкуренция, сосуществование или конфронтация?

На протяжении пятнадцати лет после падения Берлинской стены Европа изменилась коренным образом. Западная и Центральная Европа совместно положили начало Европе в рамках ЕС. Новая Европа ЕС намерена распространять свои ценностные представления и влияние на непосредственных соседей – Восточную Европу, Евразию, Магриб, Ближний и Средний Восток. За время президентства Владимира Путина в России наступила внутривосточная стабилизация, и вопрос о том, превратится ли она снова в великую державу, стал серьезнейшим вопросом XXI века. ЕС будет становиться все более зависимым от поставок энергии из России, США нуждаются в России для борьбы против международного терроризма. И то, и другое увеличивает ее потенциал. Но авторитарные тенденции в российской внутренней политике обнажили резкие различия в политических системах ЕС и России. Окажется ли европейский континент снова разделенным между Европой ЕС и восточной частью Европы, где доминирует Россия? Или представление об «общем европейском доме», покоящемся на фундаментах демократической цивилизации, будет воспринято всеми европейскими нациями, в том числе и восточноевропейскими?

Россия – относительно молодая европейская страна. Она вступила на политическую сцену в качестве великой

европейской державы в начале XVIII в., то есть после победы Петра Великого над Швецией в ходе Северной войны. Хотя колосса на Востоке нельзя было не заметить, его оценка всегда оставалась для Европы проблемой. Развитие событий в России ни одна держава не могла предвидеть хотя бы приблизительно. А что же сегодня?

Едва ли кто-нибудь мог серьезно предполагать в начале «перестройки», которой руководил Михаил Горбачев, что пять лет спустя сверхдержава Советский Союз рухнет со своей коммунистической идеологией и государствами-сателлитами. В начале 90-х гг. большинство наблюдателей видело, что Россия попадает во все большую финансовую зависимость от Запада и погружается в бедность. Когда Путин пришел к власти, лишь меньшинство верило, что через пять лет Россия достигнет такой внутривнутриполитической консолидации и таких темпов экономического роста.

В последние годы «перестройки» россияне с восторгом воспринимали конец коммунистического господства и начало новой демократической эры. Сегодня, пятнадцать лет спустя, те же россияне расточают неумеренные восторги в адрес нового символа своих надежд Путина, который снова делает Россию сильным, но не обязательно либеральным государством. Сходное развитие событий можно наблюдать в Белоруссии и Украине. Очевидно, население этих славянских стран приобрело отрицательный опыт по части демократии и рыночной экономики, что недооценивалось на Западе. Горбачев и Борис Ельцин разочаровали земляков, и их имена в России сознательно замалчиваются. Историческая же судьба Путина неясна.

Все трое – Горбачев, Ельцин и Путин – попытались открыть Россию Западу, но она все еще не пришла в Европу. Кое-кто полагает даже, что она снова отделилась от Европы. У России и ЕС различные представления о Европе. Для западноевропейцев современная Европа – это прежде всего «система универсальных ценностей». Для России Европа была и остается географическим понятием.

Эти различные восприятия Европы не новы. Спор идет по меньшей мере 150 лет. Уже в середине XIX века Пруссия, Австрия, Великобритания, Франция и Испания рассматривали огромную Российскую империю на востоке континента как нечто чуждое и угрожающее. Западная пресса писала о России в высшей степени критически. Как тогда, так и теперь в России существовал двойственный образ Запада. С одной стороны, Россия хотела учиться у технологически более развитого Запада, брать пример с западных ученых, наслаждаться западным стилем жизни, с другой – россияне относились к европейцам с позиции духовного превосходства и отвергали «универсальные ценности» как проявление чуждой им культуры¹.

Дранг нах Вестен²

Когда Путин пришел к власти на рубеже 1999-2000 гг., он установил в своей внешней политике ясные приоритеты, означавшие движение в направлении ЕС. В то время как его предшественники в Кремле хотели видеть в ЕС только экономический союз, Путин, имеющий опыт общения с Западом, поставил отношения России с ЕС на прагматическую, партнерскую, в некотором смысле даже на интегративную основу. Он привлек европейцев многообещающим энергетическим союзом, предложил им совместный диалог о безопасности, не исключал перехода с доллара на евро в торговых отношениях. Его стремления к стратегическому партнерству с ЕС нашли кульминацию в предложении объединить экономическое пространство богатой сырьем России с экономическим пространством ЕС. Еще во время последней германо-российской встречи на высшем уровне Путин во всеулышание мечтал о,

¹ См.: Данилевский Н. Я. *Россия и Европа*. - Санкт-Петербург, 1871.

² Натиск на Запад (нем.) Автор обыгрывает понятие *Drang nach Osten* (натиск на Восток), лозунг наиболее агрессивных сил немецкого общества до 1945 г. – *Прим. перев.*

том, что когда-нибудь у россиян и немцев будет общая столица – Брюссель.

В 2002-2003 гг. развитие отношений между Россией и ЕС натолкнулось, однако, на политические ограничения. Западная и Центральная Европа объединились в сильную Европу в рамках ЕС без Восточной Европы. Сначала Москва недооценивала новый политический вес этой новой Европы, позже ощутила его как проявление соперничества. ЕС ввел визы для российских транзитных пассажиров, следующих в Калининград и из него, а также экспортные ограничения на российские товары в страны Центральной и Восточной Европы, вступившие в ЕС. Вместо превращения Калининградской области в пилотный проект для развития сотрудничества между ЕС и Россией регион стал очагом напряженности. Москва с недоверием наблюдала за новой стратегией ЕС, направленной в сторону Восточной Европы. В рамках этой стратегии о таких странах, как Украина, Белоруссия, Молдавия и Грузия идет речь как о новом «ближнем зарубежье» ЕС. До сих пор Москва рассматривала эти страны в качестве исключительно своего «ближнего зарубежья».

Очевидно, ЕС и Россия еще не готовы к тому, чтобы осознать лежащие между ними страны как «совместное» пространство соседства. Операции ЕС по поддержанию мира на Балканах с их вероятным распространением на Молдавию и Кавказ в Москве рассматриваются с таким же недоверием, как и в ЕС – миротворческие миссии России на постсоветской территории. Каждая из сторон претендует для себя на руководство такими миротворческими миссиями.

Выборы в российский парламент в декабре 2003 г. ознаменовали поворот в развивавшихся до тех пор позитивно отношениях между ЕС и Россией. Запад, заметно потерявший в последние годы интерес к общественному развитию в России, ошеломленно реагировал на поражение либералов и чрезмерное усиление партии власти. Россия снова вошла в моду как страшный призрак. При этом американский историк Ричард Пайпс совершенно прав в своем аналитическом

материале в газете «Нью-Йорк Таймс», считая, что авторитарный режим в России был не навязан людям, а значительная часть населения приняла и, более того, требовала его.

Российские политики возмущенно реагировали на два стратегических документа ЕС, в которых Россия была подвергнута жесткой критике за отход от демократических принципов. На форуме «ЕС-Россия», проведенном в начале этого года Немецким обществом внешней политики, в котором участвовали столь высокопоставленные лица, как начальник Генерального штаба Вооруженных сил России Юрий Балуевский, председатель внешнеполитического комитета Государственной Думы Константин Косачев, заместитель министра иностранных дел Владимир Чижов, председатель внешнеполитического комитета Совета Федерации Михаил Маргелов и другие российские политики, по этому поводу произошел резкий спор.

Похоже, что и Путин лишился иллюзий в отношении ЕС. Его последние публичные выступления свидетельствовали о растущей подозрительности в отношении Запада. По словам Путина, Запад не хочет терпеть в мировой политике сильную Россию и организует поэтому кампании, направленные на нанесение ущерба ее имиджу. Российский президент жестко критиковал «зарубежные силы», пытающиеся помешать ему в проведении политики реинтеграции на территории бывшего Советского Союза.

Оживляются воспоминания о прошлом. Был ли поворот России к Европе всегда лишь средством для достижения определенной цели? Остерман, ставший впоследствии канцлером Петра I, заявил однажды: «Европа нужна нам на несколько десятилетий, а потом следовало бы повернуться к ней задом»³.

Не возвращение ли к Евразии?

Будущее и последствия исторического процесса расширения ЕС и НАТО на Восток еще трудно оценить. Началась ли

³ А. W. Just, *Russland in Europa*, Stuttgart 1949, S. 221.

1 мая 2004 г. эра объединенной большой Европы или экспансия Запада на Восток Европы спровоцирует новый раскол европейского континента? Будут ли российские элиты, если они оставят свои традиционные великодержавные мечты, искать воссоединения с исторической Европой, которое осуществили поляки и другие народы Центральной и Восточной Европы, или Россия снова примется ковать антизападный союз на постсоветской территории?

Оба субъекта, ЕС и Россия, пребывают сегодня в процессе консолидации и идентификации, а также разработки будущих моделей интеграции. ЕС, вероятно, расширится в ближайшее десятилетие на Балканы; Россия попытается интегрировать бывшие советские республики в «едином экономическом пространстве» и «коллективном оборонительном союзе». И ЕС, и Россия все сильнее хотят играть на сцене мировой политики глобальную роль и развивают соответствующие внешнеполитические концепции и концепции политики безопасности, например, «стратегию непосредственного соседства» ЕС.

Второй президентский срок Путина выявил иную, чем во время первого, внешнеполитическую ориентацию. Теперь в фокусе российской дипломатии однозначно СНГ, а не ЕС или США. Очевидно, Путин полагает, что от Запада он не может ожидать более серьезных положительных шагов в отношении своей политики, нежели вступление в ВТО и укрепление членства России в большой восьмерке, которые и без того у него «в кармане». Свободу действий для осуществления реинтеграции на постсоветской территории он не получит. Россия осознала, что ей в стремлении к статусу великой державы придется конкурировать с многочисленными субъектами мировой политики, и не в последнюю очередь с новым ЕС на европейском континенте. Для этого Россия нуждается в собственном политическом союзе и экономических партнерах. Этой цели и должен служить осуществляемый Путиным поиск интеграционной модели для постсоветского пространства.

Чтобы стать великой державой, Россия нуждается в политическом союзе с бывшими советскими республиками, которые в прошлом не собирались снова вступать в российскую сферу влияния. Путин хочет использовать тайм-аут, который взял ЕС касательно дальнейших планов расширения, чтобы создать свой собственный «восточный ЕС».

Так как Путину на протяжении его первого президентского срока не удалось осуществить воссоединение с Белоруссией, хозяин Кремля ориентировал свою интеграционную стратегию в ходе первого президентского срока на Украину. За несколько месяцев до окончания срока полномочий президента Украины Леонида Кучмы на него оказывался нажим с целью вхождения страны в единое экономическое пространство России, Украины, Казахстана и Белоруссии и отказа от цели членства в ЕС и НАТО. Стратегический трубопровод, который должен был поначалу поставлять каспийскую нефть на Запад в обход России, был не долго думая перенаправлен и должен теперь качать российскую нефть на берега Средиземного моря. Украина, прежде постоянно высказывавшаяся за диверсификацию поставок российских энергоносителей, укрепила с помощью этой меры транспортную монополию России.

Украина – важный элемент в интеграционной модели Путина. Два других элемента уже образуют фундамент того, что кремлевский лидер представляет себе в качестве перспективы – союз в сфере атомной энергетики с важнейшими производителями нефти и газа на территории бывшего Советского Союза, Казахстаном и Туркменистаном. Действительно, стратегическое объединение этих государств вывело бы на сцену мировой политики своего рода газовый аналог ОПЕК и энергетическую сверхдержаву, с которой в любом случае пришлось бы считаться промышленно развитым странам Европы и Азии.

Правда, с позиций сегодняшнего дня проводимая Путиным политика реинтеграции обречена на провал. Такие страны, как Украина, Молдавия и Грузия, еще лелеют надежду в не

столь отдаленном будущем стать членами ЕС и НАТО. Политика нового главы грузинского государства Михаила Саакашвили направлена на то, чтобы максимально быстрее вывести Грузию из СНГ и интегрировать ее в западные структуры. Даже если такие страны, как Украина, временно ориентируются на Москву, так как двери для них остаются закрытыми, они не перестают смотреть в сторону Брюсселя.

У ЕС отсутствует стратегия отношений с Россией

Европа опять оказалась в новом поле напряжения. ЕС и Россия внезапно стали конкурировать за новые сферы влияния на европейском континенте. Проблемы, казавшиеся давно погребенными под руинами холодной войны, вдруг снова дали о себе знать.

ЕС стоит сейчас перед проблемой позиционирования по отношению к новой России. На Западе на сей счет имеются различные взгляды. После расширения ЕС на бывшие коммунистические страны Центральной и Восточной Европы обоснование совместной стратегии в отношении новой России станет, вероятно, более трудным делом, ведь именно в этих странах существуют сильные антироссийские предубеждения. Имеются в Европе и достаточно влиятельные политические силы, представители которых рекомендуют проводить политику сдерживания по отношению к авторитарной и по сути чуждой для Европы России. Другие, в их числе федеральный канцлер Герхард Шредер, президент Франции Жак Ширак и премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, выступают, напротив, за стратегическое партнерство с Россией, которое в долгосрочной перспективе могло бы стабилизировать Восток европейского континента, повысить собственную энергетическую безопасность и увеличить процветание Европы благодаря связи с привлекательным российским рынком.

В этом направлении была предпринята важная «мозговая атака» в ходе немецко-франко-российской трехсторонней конференции трех важнейших исследовательских институтов

названных стран, состоявшейся в конце июня при поддержке руководящих органов министерств иностранных дел в Немецком обществе внешней политики в Берлине. Идя навстречу желанию Москвы участвовать в построении будущей Европы, не открывая вместе с тем России сразу же путь в ЕС и НАТО, ЕС и Россия создали модель четырех совместных пространств (экономика, внешняя политика и политика в области безопасности, внутренняя безопасность, культура, информация, образование). С использованием этой конструкции теоретически можно было бы двинуться по пути стратегического соседства вплоть до создания «общего европейского дома». Другие страны, например, Украина, могли бы быть включены в эту конструкцию, коль скоро они выскажут такое пожелание. С учетом острой угрозы, в состоянии которой пребывают Европа и Россия вследствие исламских террористических покушений на западную цивилизацию и которая может стать еще более серьезной ввиду неудачи США в Ираке, следует углублять диалог по проблемам безопасности между США, Россией и ЕС.

Картина экономики России производит впечатление гораздо большей надежности и внушает гораздо больший оптимизм, нежели полагают многие западные политологи и в целом интеллектуалы. Усилия Путина на международной арене, имеющие целью, несмотря на разногласия вокруг войны в Ираке, сотрудничество с Западом в процессе создания демократического мирового порядка, и его курс на экономическую модернизацию внутри страны снискали ему немалое одобрение. Решительная борьба Путина против регионального сепаратизма, мафиозных структур, коррупции, снижение российского внешнего долга, принятие нового Налогового кодекса, более прозрачные методы приватизации, отмена государственных субсидий и, наконец, начало банковской реформы – таковы были «просветы», свидетельствовавшие о проведении той политики, которую напрасно ждали при Ельцине.

Когда 130 лет назад в России началась промышленная революция, европейские промышленные концерны и банки, не боясь риска, двинулись в Россию, основывали в Баку первые

нефтяные фирмы и начали соединять Россию с Западом, прокладывая самый прочный путь – экономический. После того, как западные промышленники понесли большие убытки в результате Октябрьской революции и последовавшей национализации всей экономики, они при первой же возможности вернулись в Россию – сначала при Сталине, а позже в 70-е годы.

Европейская экономика и сегодня – одна из самых значительных внешнеполитических опор России. В особенности это касается энергетической сферы. По экспертным оценкам, спрос на нефть и газ в ближайшие 30 лет будет возрастать. На недавно состоявшейся конференции Национального центра по инвестициям ведущие американские эксперты констатировали, что Россия не позже 2015 года утвердится в качестве крупнейшего в мире поставщика энергетического сырья для Европы и Азии наряду с Саудовской Аравией и будет сама определять цены мирового рынка нефти. Для Европы Россия станет незаменимым стратегическим партнером, в том числе в вопросах энергетической безопасности. Нынешняя зависимость России от Запада превратится в свою противоположность: ЕС будет сильнее зависеть от России, даже если она и не станет демократическим государством.

Может быть, в один прекрасный день Европа и Азия будут соперничать за благосклонность России? По сегодняшним оценкам, нефти, добываемой в России, не хватит, если ее объемы не будут резко увеличены, для одновременной поставки в Европу и Азию необходимых им количеств нефти и газа. Поэтому передача Западом технологии, необходимой России, обретает стратегическое значение для модернизации национального энергетического сектора. Необходимая сумма инвестиций на следующие десять лет составляет по оценкам 85 млрд. евро. Тем самым обе стороны зависят друг от друга – Россия не может без передачи технологии и капитала с Запада модернизировать свою экономику, а для ЕС нет альтернативы поставкам энергоносителей из России.

Одно кажется сегодня несомненным: при президенте Путине российский энергетический сектор, на долю которого

приходится 40% налоговых поступлений, 55% экспортных прибылей и 20% российской экономики, превратился в важнейшую составную часть национальных государственных интересов. Государство не допустит, чтобы этот сектор, от которого зависит новое превращение России в великую державу, оказался бы во власти частных интересов олигархов, одержимых жадной прибылью или попал под контроль иностранных транснациональных предприятий. Приватизированные нефтяные концерны не национализируются, но должны быть поставлены на службу правилам игры, четко задаваемым из Кремля, иначе их постигнет судьба «ЮКОСа». Руководитель «ЮКОСа» Михаил Ходорковский, в отличие от других олигархов, неохотно делился с Кремлем экспортными прибылями. Иностранные фирмы необходимы в энергетическом секторе в качестве партнеров, но они никогда не смогут приобрести контрольный пакет «Газпрома» или «ЮКОСа».

Решающее значение для контроля государства над энергетическим сектором имеет монополия на трубопроводы. Только государство будет решать, в каком географическом направлении должны транспортироваться нефть и газ. С помощью этого средства контроля Россия хочет продемонстрировать свое положение энергетической сверхдержавы. Вместе с Казахстаном и Туркменистаном Россия планирует создать нечто вроде газового аналога ОПЕК, ядром которого является сеть газопроводов, идущая в Европу и Азию исключительно по российской территории.

Вопрос о том, как должно развиваться отношение будущей Европы в рамках ЕС к России, огромному государству, не входящему в эту Европу, должен стать приоритетным в планировании ЕС в сферах внешней политики и политики в области безопасности. Сможет ли процветать Европа в рамках ЕС, не включая важнейшего европейского сырьевого гиганта, Россию, в «общий европейский дом»?

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)